

Р.Х. Ганиева

Внутрисемейная динамика и межпоколенная коммуникация: психологическое...
Minbar. Islamic Studies. 2026;19(2): 445-467

DOI 10.31162/2618-9569-2026-19-2-445-467

УДК 159.9

Original Paper

Оригинальная статья

Внутрисемейная динамика и межпоколенная коммуникация: психологическое консультирование диады «невестка-свекровь» в контексте ингушской культуры

Р.Х. Ганиева^{1а}

¹Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, г. Магас, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2737-9335>, e-mail: rozacpp@mail.ru

Резюме: Статья посвящена междисциплинарному анализу семейных отношений в диаде «невестка – свекровь». В работе представлен авторский анализ поведенческих стратегий невестки в зависимости от типа привязанности (надежный, тревожный, избегающий, дезорганизованный) и предложен соответствующий психотерапевтический инструментарий. Описаны ключевые механизмы регуляции внутрисемейных отношений в традиционном ингушском обществе: обычай избегания, иерархическая смена статуса женщины, роль матери как агента первичной социализации. Особое внимание уделено интеграции исламского этико-религиозного дискурса в психологическую практику; предложены адаптированные методики, позволяющие транслировать межличностные конфликты в ресурс духовно-нравственного развития.

Ключевые слова: теория привязанности; детско-родительские отношения; диада «невестка-свекровь»; ингушская семья; этнопсихология; исламская этика; культурно-сензитивное консультирование; трансгенерационная передача; психотерапия семейных отношений

Для цитирования: Ганиева Р.Х. Внутрисемейная динамика и межпоколенная коммуникация: психологическое консультирование диады «невестка-свекровь» в контексте ингушской культуры. *Minbar. Islamic Studies*. 2026;19(2):445–467. DOI: 10.31162/2618-9569-2026-19-2-445-467

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Intra-family dynamics and intergenerational communication: psychological counseling of the daughter-in-law-mother-in-law dyad in the context of Ingush culture

R.H. Ganieva^{1a}

¹The Ingush Scientific Research Institute of the Humanitarian Sciences named after Chakh Ahriev, Magas, the Russian Federation

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2737-9335>, e-mail: rozacpp@mail.ru

Abstract: This article presents an interdisciplinary analysis of family relationships in the daughter-in-law–mother-in-law dyad. The author presents the analysis of the daughter-in-law's behavioral strategies depending on her attachment type (secure, anxious, avoidant, disorganized) and proposes appropriate psychotherapeutic tools. Key mechanisms regulating intrafamily relationships in traditional Ingush society are described: the custom of avoidance, the hierarchical change in women's status, and the role of the mother as an agent of primary socialization. Particular attention is paid to the integration of Islamic ethical and religious discourse into psychological practice; adapted methods are proposed that allow interpersonal conflicts to be transformed into a resource for spiritual and moral development.

Keywords: attachment theory; parent-child relationships; daughter-in-law-mother-in-law dyad; Ingush family; ethnopsychology; Islamic ethics; culturally sensitive counseling; transgenerational transmission; psychotherapy of family relationships

For citation: Ganieva R.H. Intra-family dynamics and intergenerational communication: psychological counseling of the daughter-in-law-mother-in-law dyad in the context of Ingush culture. *Minbar. Islamic Studies*. 2026;19(2):445–467. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2026-19-2-445-467

Введение

Фундаментальные основы современного понимания психического развития ребенка были заложены в середине XX века в работах английского психоаналитика Джона Боулби [1].

Согласно позиции исследователя, все биологические виды обладают генетически детерминированной «системой привязанности». Данная система активируется в условиях воспринимаемой угрозы или опасности, запуская механизм «поведения привязанности». В такие моменты ребенок инстинктивно обращается к референтному лицу (как правило, матери или отцу), с которым у него сформирована особая эмоциональная связь. Отношения привязанности представляют собой сложный ком-

плекс, включающий аффективные компоненты, когнитивные ожидания и устойчивые копинг-стратегии, которые ребенок усваивает в процессе диадического взаимодействия со значимым взрослым [2].

Качественный скачок в развитии парадигмы связан с исследованиями Мэри Мэйн и ее коллег, которые разработали методологию оценки репрезентаций привязанности у взрослых посредством глубинного интервью («Интервью о привязанности для взрослых»).

Полученные с его помощью данные позволили сделать валидный вывод о том, что внутренние установки (репрезентанты) матери выступают предиктором будущего паттерна привязанности и, соответственно, поведения ее ребенка. Эмпирически подтверждено, что результаты проведения «Интервью о привязанности для взрослых» с женщиной в период беременности обладают высокой прогностической валидностью в отношении типа привязанности, который сформируется у ее еще не рожденного ребенка к возрасту одного года. Тем самым было доказано, что именно внутренние репрезентанты матери опосредуют ее поведение по отношению к ребенку, определяя траекторию развития их эмоциональной связи [3].

Поведенческие стратегии внутрисемейных отношений в зависимости от типа привязанности

Боулби считал, что тип привязанности, формирующийся в первые месяцы жизни между младенцем и первичным значимым лицом, не является статичным образованием. Напротив, он может изменяться на протяжении всей жизни под влиянием эмоционального опыта, приобретаемого в новых отношениях. Ученый пришел к выводу, что привязанность представляет собой эмоциональные узы, зарождающиеся в детстве, однако их влияние простирается далеко за пределы раннего этапа развития, распространяясь на все последующие жизненные стадии [3].

Значительный вклад в развитие теории внесла Мэри Эйнсворт, находившаяся под сильным впечатлением от идей Боулби. В своей диссертации она исследовала «теорию безопасности» Уильяма Блатца, отстаивая мысль о том, что для благополучного эмоционального развития индивид должен сформировать базовое доверие к референтному лицу.

Дальнейшие исследования подтвердили наличие трансгенерационной передачи паттернов привязанности. Существует причинно-следственная связь между качеством репрезентации привязанности у родительского поколения и качеством привязанности, формирующимся у детей в младенчестве [3; 4].

Данные лонгитюдных исследований демонстрируют, что опыт надежной привязанности с одним значимым взрослым, приобретенный в раннем возрасте, может выступать в роли защитного фактора, снижая риск развития психопатологии в будущем, даже при наличии серьезного травматического опыта [3].

Эти закономерности находят подтверждение не только в клинических наблюдениях за людьми, но и в экспериментальных моделях на животных. Исследования на крысах показали, что у более чутких матерей потомство отличается уверенностью и раскованностью, а также впоследствии проявляет аналогичную заботу о своих детенышах. Данный эксперимент проиллюстрировал, что способ выращивания детерминирует последующее чуткое поведение самки и нормализацию стрессовых реакций. Подобные эффекты могут проследиваться на протяжении трех поколений, демонстрируя, что заботливое поведение и регуляция стресса передаются следующему поколению благодаря взаимодействию факторов уязвимости и среды [3].

Фигура первичной привязанности играет ключевую роль: удовлетворение потребности в безопасности позволяет ребенку впоследствии выстраивать вторичные привязанности с одноклассниками и педагогами. При этом, как отмечал Дж. Боулби, в раннем детстве ребенок должен закрепить более одной привязанности, обычно к концу первого года их насчитывается две или три. С возрастом круг общения расширяется, и число значимых фигур пополняется прародителями, сиблингами и ровесниками, что оказывает влияние на качество жизни и достижения личности в различных сферах, включая романтические и семейные отношения [5].

Классическим подтверждением значимости эмоционального контакта является эксперимент Гарри Харлоу «Природа любви» [6]. Детенышей макак-резус помещали к двум «суррогатным матерям»: одна, сделанная из проволоки, давала молоко, другая, из мягкой ткани, не давала пищи, но обеспечивала телесный комфорт. Результаты были однозначны: обезьянки большую часть времени проводили с «махровой мамой», прижимаясь к ней и ища у нее защиты в момент испуга. Проволочная «мать» использовалась лишь для утоления голода. Эксперимент наглядно продемонстрировал, что для развития критически важны не только витальные потребности, но и физический контакт, тепло и возможность получить утешение [7].

Дальнейшее развитие теории привязанности и исследований травмы неразрывно связано с концепцией трансгенерационной передачи. Как подчеркивают Тихамер Бако и Каталин Зана, семья является не просто суммой индивидов, а носителем особой «трансгенерационной атмосферы» – незримого, но ощутимого психологического пространства, которое формирует бессознательные сценарии вза-

имодействия между поколениями [4, с. 15]. Эта атмосфера включает в себя непроговоренные травмы, семейные мифы и эмоциональные долги, которые «впитываются» потомками и воспроизводятся ими в собственных отношениях, в том числе в диаде «невестка-свекровь». Свекровь, будучи носителем опыта своей собственной матери и опыта вхождения в патриархальную семью, может неосознанно транслировать невестке не только нормы поведения, но и непереработанные болезненные переживания, связанные с ее собственной ролью «нус». Таким образом, конфликт в диаде может быть не столько следствием личностных особенностей участниц, сколько отражением глубинных родовых сценариев, что требует от психолога умения работать с горизонтальной (актуальные взаимоотношения) и вертикальной (межпоколенная передача) осями семейной истории.

Эмпирически выделенные типы привязанности (надежный, тревожный, избегающий и дезорганизованный) находят свое проявление в различных социальных контекстах, в частности в структуре внутрисемейных отношений. Рассмотрим, как тип привязанности может влиять на построение взаимодействия невестки с матерью супруга.

Анализ клинической практики, отраженный в предыдущей статье на примере конкретного случая психологического консультирования ингушской невестки по поводу ее отношений со своей свекровью, позволил описать пример оказания психологической помощи с учетом культурного и духовного наследия клиента [8]. В данной статье будет представлен авторский анализ поведенческих стратегий невестки в зависимости от типа привязанности (надежный, тревожный, избегающий, дезорганизованный) и предложен соответствующий психотерапевтический инструментарий, а также будут описаны ключевые механизмы регуляции внутрисемейных отношений в традиционном ингушском обществе: обычай избегания, иерархическая смена статуса женщины, роль матери как агента первичной социализации.

Невестка с **надежным типом привязанности** обладает достаточным эмоциональным ресурсом для выстраивания здоровых отношений со свекровью. Ей не требуется постоянного подтверждения собственной значимости, ее самооценка адекватна, и она способна открыто выражать свои чувства и предпочтения. Такая невестка не воспринимает близкие отношения супруга с его матерью как угрозу для нуклеарной семьи. Она готова к компромиссам, сохранению семейных традиций и защите интересов расширенной семьи. Несмотря на неизбежность разногласий, она не склонна превращать мелкие ссоры в глобальные конфликты, прибегать к манипуляциям или накапливать обиды.

Невестка с **тревожным типом привязанности** склонна сомневаться в прочности своих отношений с супругом и его родственниками, постоянно ища подтверждения собственной значимости. Ее самооценка в значительной степени зависит от мнения окружающих, особенно мужа и свекрови. Критика или нейтральное замечание могут восприниматься ею как личностное отвержение. Недостаток внимания или тепла со стороны свекрови интерпретируется как скрытая неприязнь. Такая невестка может длительное время накапливать недовольство, после чего реагировать эмоциональными всплесками. Стратегии ее поведения варьируются от стремления во всем угодить семье мужа до резкого отстранения из страха быть отвергнутой. Отношения с участием тревожного типа требуют повышенного внимания к эмоциональной безопасности и ясности коммуникации.

Невестка с **избегающим типом привязанности** высоко ценит автономию и склонна дистанцироваться от эмоционально насыщенных контактов для сохранения контроля и безопасности. Она предпочитает поверхностное, но вежливое общение, избегая глубоких разговоров и совместных планов. Отсутствие стремления заслужить признание свекрови может восприниматься последней как холодность или равнодушие. В коммуникации такая невестка склонна устанавливать жесткие рамки, чтобы предотвратить вторжение в личное пространство, а в случае конфликта – замыкаться или отдаляться, вместо открытого обсуждения проблемы.

Дезорганизованный (тревожно-избегающий) тип привязанности характеризуется сочетанием противоположных тенденций, что требует в первую очередь стабилизации эмоционального состояния перед началом любой когнитивной или поведенческой работы.

Выбор психотерапевтических техник должен быть персонализирован с учетом типа привязанности, что позволяет опираться на сильные стороны личности и компенсировать дефициты.

Для усиления адаптивных стратегий невестки с **надежным типом** пригодны техники, направленные на укрепление устойчивости:

1. **«Заземленное наблюдение»** [9], позволяющее относиться к поведению свекрови как к внешнему фактору, не требующему немедленной реакции.

2. **«Психологическое айкидо»**, основанное на согласии с безобидной частью критики для снижения конфликтного заряда [10].

3. **Установление здоровых границ по модели IFS (Internal Family Systems)** через осознание реагирующих частей личности и действия из позиции «Уверенной части» [11].

В работе с **тревожным типом** приоритетными являются техники снижения тревоги и укрепления самооценности:

1. **Когнитивное реструктурирование** (из КПТ), направленное на выявление и оспаривание автоматических мыслей, связывающих самооценку с оценкой све-крови [12].

Техника «Забота о себе как о лучшей подруге», способствующая формированию более рационального и поддерживающего отношения к себе [13].

2. **«Я-высказывания»** как способ коммуникации, снижающий конфликтность и позволяющий говорить о своих чувствах без обвинений [14].

Для **избегающего типа** терапия должна быть направлена на мягкое сближение и выражение потребностей без угрозы для автономии:

1. **Техника «Маленькие шаги к контакту»**, предполагающая постановку реалистичных и нетравматичных целей в общении.

2. **Метод «Согласованные ритуалы»**, создающий предсказуемость и контроль через четко оговоренные с мужем рамки взаимодействия с его семьей [15].

3. **Практика осознанности (Mindfulness)** для распознавания и вербализации собственных чувств, что снижает импульсивное желание «сбежать». Важной рекомендацией является избегание полного ухода в молчание и переноса стратегии избегания на супруга.

При работе с **дезорганизованным типом** первостепенной задачей является стабилизация нервной системы:

1. **Техника «Стоп-кран»**, предполагающая временный физический выход из стрессовой ситуации и упражнения на дыхание для возвращения в «окно толерантности».

Ведение дневника эмоций для структурирования хаотичных переживаний через разделение события, чувств и рациональной оценки [16].

2. **Работа с «внутренним ребенком» и метод рескриптинга**, направленные на исцеление раннего травматического опыта через формирование чувства взрослой защиты и безопасности [17].

Любой терапевтический подход, претендующий на эффективность, должен быть релевантен той культурной почве, на которой он применяется. Без учета этнических норм, традиций и ценностей даже самые точные психологические техники могут оказаться неэффективными или вызвать сопротивление. Обратимся к анализу культурного контекста, сформировавшего уникальную структуру взаимоотношений

в диаде «невестка-свекровь», и рассмотрим, как традиционные институты ингушского общества могут быть интегрированы в современную психологическую практику.

Консультирование внутрисемейных отношений с точки зрения культуры

В ингушской культуре, базирующейся на принципах уважения к старшим и строгой семейной иерархии, взаимоотношения между невесткой (нус) и свекровью (марнана) представляют собой значительный интерес для этнографического и социально-психологического исследования. Рассмотрим эти отношения через призму фольклора, литературных источников и этнографических практик с целью реконструкции лежащих в их основе механизмов регуляции.

Как справедливо отмечает Н. Пезешкиан, «нормы, ценности, стили и паттерны поведения, интересы, типичные способы решения проблем – всё это характерно и может быть специфично для каждой культуры. При этом конкретная личность, принадлежащая к той или иной культуре, может отличаться в достаточной степени от тех базовых предписаний, которые характерны для культуры. Кроме того, ... в культурах выделяются субкультурные группы, нормы и ценности которых могут сильно отличаться от основной культуры» [18].

В контексте психологической практики межкультурная сензитивность позволяет специалисту интегрировать в терапевтический процесс элементы фольклора и национальной литературы. В ингушской культурной традиции тема отношений невестки и свекрови является одной из ключевых.

Система взаимоотношений регламентируется рядом народных максим. Пословица **«Ц1ен-нана дика йолча, нус дика хул»** / «Если свекровь хороша, то и невестка становится хорошей» подчеркивает определяющую роль свекрови в формировании внутрисемейного микроклимата. Афоризм **«Маър-нана бедаг1а яй нус»** / «Невесту слепили из теста свекрови» с психоаналитической точки зрения может быть интерпретирован как отражение бессознательного выбора мужчины, ориентированного на сложившийся в детстве внутренний образ матери.

В традиционном ингушском обществе при выборе невесты значительное внимание уделялось ее происхождению. Как отмечается в источниках, **«Наьнага хьаже, наьн-наьнага хьаже йоалае саг»** / «Выбирая жену, обрати внимание на мать и бабушку по линии матери», **«Йо1 йоалае цун наьнага а хьаже; ц1аг1ара маъре йо1 яхийта хургволча маър-даьга а хьаже»** / «Сватайте девушку, у которой мать хорошая; выдавайте дочь за того, у кого отец хороший» [19, с. 253]. **Бера ц1ийх ийс**

дакъа-наъна ц1ий, даъ ц1ийх цхъа дакъа мара дац. / Девять частей крови ребенка – от матери, лишь одна часть от отца [19, с. 192].

При выборе супругов ингуши руководствовались такими мотивами, как «привилегированность» (высокий социальный статус) предков, крепкие родственные узы, отсутствие наследственных заболеваний, семейные ценности, родовые традиции.

В традиционном ингушском обществе самая сложная роль – роль снохи (нус). Наверно поэтому, когда приходит невеста, сношенницы (жены братьев) радуются и танцуют, так как они освобождаются от многих обязанностей. Теперь раньше всех будет вставать и позже всех ложиться младшая сноха. **Йенача хана – нус, этача хана – 1у.** В начале – усердие невестки, в начале – усердие пастуха. Первоначальное старание невестки – это стратегия выживания и адаптации, а усердие пастуха – это инвестиция в свою репутацию и будущее.

Невестка «получает исключительно высокий статус в новой семье, но обретение его – не одномоментное действие, а процесс, растянутый во времени. Ей задается программа поведения, которая может обеспечить непрерывность существования рода, репродуктивный успех, включающий в себя как рождение детей, так и умения и навыки их воспитания и обеспечения условий существования...» [20, с. 34]. В следующей возрастной группе, в другой социальной позиции, невестка впоследствии займет место свекрови, «приобщающей жену своего сына к домашней святыне» [20, с. 34]. Чем выше авторитет женщины, заработанный за время замужества, «тем более ответственные функции, близкие к жреческим, она будет исполнять, олицетворяя дух той фамилии, к которой принадлежат ее дети. Женщина, принимая на себя последовательно функции жены, матери, бабушки, становится регулятором социально-родственной корпоративности фамилии своего мужа» [20, с. 34].

Мягко адаптироваться и строить отношения с родственниками мужа невестке позволял обычай избегания. Общение с новой семьей у снохи, как правило, начинается со свекрови, которая дает «различные поручения по хозяйству, а та, в свою очередь перед ней отчитывается» [21, с. 81]. Невестка соблюдала обычай избегания пока не получит разрешение со стороны свекра. Свекор, глава семьи и старший мужчина в семье, обладает авторитетом, чтобы изменить характер отношений. Прося воды у невестки, он сознательно нарушает дистанцию. Просьба, обращенная к снохе, и требование ответить на вопрос : **«Ер хий мала пурам лой 1а сона?»** / Разрешаешь ты мне выпить эту воду? (**«Пурам лу аз!» «Г1оза малда!»** / «Разрешаю!» «Пейте на здоровье!») превращают простое действие в символический акт, который разрешает не-

вестке вступать с ним в речевой контакт. В таком случае невестка могла получить от свекра денежное довольствие или ювелирное изделие, а у некоторых народов Дагестана сноха делала подарок свекру: преподносила бешмет, который ей передавали из родительского дома, а он, в свою очередь, дарил корову или бычка. После этой церемонии она свободно заходила в общее помещение, убирала комнату свекра, помогала совершать омовение, накрывала на стол, хотя и в этом случае общение между ними было минимальным.

В исключительных случаях такое разрешение она могла получить через три-четыре года или не получить никогда. Так М. Алибеков пишет, что кумыкские женщины «с отцами мужей не говорили до смерти» [21, с. 83]. Избегание представляет собой «испытательный срок», в течение которого невестка осваивает нормы и ценности семьи, выстраивает отношения со свекровью, мужем, без доминирующего старшего мужчины. Эта формальная дистанция является для молодой женщины в период адаптации защитным механизмом, не допускающим по отношению к ней чрезмерного контроля и эмоционально сложных ситуаций. Обычай избегания позволяет постепенно включить невестку в семейную иерархию через посредников.

«Как отмечают Бако и Зана, ключевым условием прерывания деструктивных трансгенерационных циклов выступает создание – как на символическом, так и на поведенческом уровне – особого психологического пространства, «паузы», позволяющей субъекту отделить собственные аутентичные чувства и реакции от интернализованных родительских предписаний и того, что авторы метафорически именуют «призраками предков» [4, с. 102]. Данная пауза выполняет функцию дифференциации: она дает возможность индивиду выйти из состояния слияния с семейным бессознательным, опознать, где завершается его личная история и начинается история рода, транслируемая через невербальные послания, семейные мифы и непрожитые травмы предыдущих поколений.

В контексте традиционной ингушской культуры институционализированные механизмы социальной регуляции – в первую очередь обычай избегания и строгая возрастная иерархия – могут быть концептуализированы именно как культурно оформленные варианты такой терапевтической «паузы». Дистанция, предписываемая невестке (*нускал*) в общении со старшими мужчинами семьи (свекром, деверем), и четкая субординация в коммуникации со свекровью создавали не просто формальные рамки этикета, но выполняли функцию психологической буферной зоны. В этой зоне молодая женщина получала возможность постепенной, дозированной адаптации к новой семейной системе без риска быть затопленной мощным аффективным

материалом старших поколений. «Невербализованные ожидания», о которых пишут Бако и Зана, – это именно те непрожитые обиды, неотрегагированные травмы и нереализованные притязания, которые свекровь (*марнана*), сама будучи некогда невесткой, бессознательно транслировала бы при отсутствии четких ритуальных ограничений.

Обычай избегания, таким образом, выступал не как акт отвержения, а как институционализированный механизм психологической гигиены, защищающий обе стороны диады от преждевременной и потенциально разрушительной интимности. Он позволял свекрови сохранять свою автономию и статус, не вторгаясь тотально в личное пространство невестки, а последней – выстраивать отношения с мужем и его семьей, опираясь на поддержку своего поколения (золовок, сношенниц), а не вступая в немедленное прямое противостояние с носительницей трансгенерационного опыта. В этом смысле жесткая ритуализированная дистанция парадоксальным образом работала на интеграцию: она предотвращала преждевременное слияние и конфликтную симбиотизацию, давая время для формирования здоровой привязанности на основе постепенно накапливаемого совместного опыта, а не на основе принудительной эмоциональной включенности. С этой точки зрения символическая пауза, предписанная традицией, может быть осмыслена как культурно-специфичный механизм, функционально аналогичный тем терапевтическим интервенциям, которые в современной практике направлены на развитие рефлексии, отделение от деструктивных семейных сценариев и формирование безопасного пространства для выстраивания новых, более зрелых отношений».

Семейная иерархия предполагала последовательную смену статуса женщины: от невестки (**нускал**) к матери (**берий нана**), затем к хозяйке дома (**сесаг**) и, наконец, к старшей женщине (**фусам-нана** или **ц1ен-нана**). Термин «**сесаг**», как указывает М.А. Яндиев, означал «**хозяйку дома**», «**особу титулованную**», и его использование подчеркивало принадлежность к высшему сословию в семейной структуре [22, с. 424].

«До сих пор, придерживаясь соответствующих этических норм, ингушские женщины, те, которые моложе возрастом и находятся в отношении семейного статуса ниже, адресуют обращение “сесаг” женщинам старше возрастом или выше в семейной иерархии. “Сесаг” здесь звучит как мадам, матрона, сеньора. Видимо, в прошлом этот термин имел именно такое употребление. Как бы то ни было, “сесаг” – суть принадлежности высшего сословия» [22, с. 424].

У ингушей, как и у всех народов мира, мать выступает агентом первичной социализации, транслируя дочери установки, связанные с семейной жизнью, не только через прямое обучение, но и через «гендерный перформанс» (Дж. Батлер) – ежедневное воспроизведение моделей поведения, ориентированных на заботу и ведение домашнего хозяйства [23]. Этот процесс включает передачу «жизненного сценария», определяющего будущие взаимоотношения с семьей мужа. Лирическое осмысление этой связи находим в ингушской колыбельной: **«Дала йоахае, са йи1иг! Дала воа-хаве са нейц!»** («Дай Бог много лет жизни тебе, доченька моя! Дай Бог много лет жизни тебе, зять мой») [24, с. 374].

Чтобы быть более убедительными, обратимся к роману ингушского классика Идриса Базоркина «Из тьмы веков», особенно к символическому эпизоду, где мать, Зайдат, обращается к дочери Дали: «Пройдет время... Придет время... И если это будет дождливый день, женщины скажут, что небо проливает над тобой свою благодать... А если день будет солнечным, скажут, что это знак вашей ясной и светлой жизни...» [25, с. 266]. Слова матери в данном контексте символизируют философию цикличности жизни, надежду и неизбежную смену социального статуса.

В настоящее время в ингушской семье, построенной на принципах уважения к старшим и строгой семейной иерархии, конфликт между свекровью и невесткой коренится в столкновении двух социальных парадигм: традиционной, с ее акцентом на иерархии и четком распределении ролей, и современной, где для женщины значимы образование, карьера и личная реализация. Патриархальная модель «предполагала регламентированное распределение гендерных ролей и главенство мужчины в семье. Во взаимоотношениях между членами семьи наблюдалась четко выраженная половозрастная субординация, благодаря которой в семьях практически не было конфликтов, а отлаженная система взаимоотношений, учитывающая пол, возраст и степень родства коммуникантов, делала отношения между людьми корректными» [21, с. 117]. Следовательно, внутрисемейная динамика отражает масштабный социальный процесс трансформации статуса ингушской женщины.

Особый интерес представляет социокультурный феномен, при котором свекровь, исполняя обязанности невестки, публично приписывает их выполнение последней. В патриархальной системе компетентность невестки в ведении хозяйства напрямую влияет на репутацию всей семьи и, в особенности, свекрови как воспитательницы. Данная практика является инструментом утверждения иерархической власти: свекровь, «покрывая» недостатки снохи, демонстрирует собственный контр-

оль и укрепляет позицию арбитра, действуя в концепции патернализма, что, однако, ограничивает агентность невестки.

Такое поведение может быть рассмотрено как мягкая, но эффективная форма социального контроля, создающая для невестки ситуацию перманентного долга, что влечет за собой: необходимость проявлять благодарность, давление из-за несоответствия публичного образа реальному, молчаливое указание на эталон поведения, которое регулирует взаимодействие без открытых конфликтов.

В теории социальной драматургии И. Гофмана свекровь навязывает невестке соответствующий «фасад» образцовой хозяйки. Этот имиджевый менеджмент поддерживает семейную репутацию вовне и укрепляет властную позицию свекрови внутри семьи. Отсюда следует, что данный механизм, в котором сочетаются забота и контроль, является регулятивным элементом традиционных обществ [26].

Консультирование внутрисемейных отношений с учетом религиозных особенностей клиента

В современной практике психологического консультирования приобретает особую значимость работа с мусульманскими клиентами, чья система ценностей и поведенческие паттерны глубоко укоренены в нормах исламского вероучения. Сфера отношений между невесткой и свекровью представляет собой комплексное поле для анализа, где переплетаются социальные, психологические и религиозно-этические факторы.

Проанализируем потенциал интеграции исламской духовной традиции в инструментарий психологического сопровождения для разрешения и профилактики конфликтов в подсистеме «невестка – свекровь». Рассмотрим как нормативные предписания Корана и Сунны, регулирующие данные отношения, так и конкретные практические методики, позволяющие транслировать межличностные трудности в ресурс для личностного и духовного роста.

Как отмечается в современной литературе, «важнейшими качествами терапевта Х. Пезешкиан называл: открытость новому и неизвестному, гибкость, оптимизм и, что особенно важно в контексте консультирования мусульманских клиентов, религиозно-духовное мировоззрение. Он подчеркивал, приводя цитату антрополога и психиатра А. Клейнмана, что «истинный интерес к культуре пациента означает более взыскательное и восприимчивое отношение к религиозным ценностям» [27].

Нормативной основой регламентации отношений между невесткой и свекровью в исламе выступает комплекс этико-религиозных принципов, центральными из

которых являются уважение, доброта и неукоснительное соблюдение прав всех участников семейной системы. Данные принципы, будучи экстраполированы из коранических аятов и пророческих преданий, формируют поведенческий императив. В Коране говорится: «...и к родителям – благодеяние...» (Коран, 17:23) [28]. Хотя этот аят прямо обращен к детям, в исламской этике это уважение распространяется и на свекровь, поскольку она становится «родителем» через брак.

Почтительное отношение к родителям в исламе возводится в высшую степень нравственного и религиозного долга. Абу-Хурайра передал слова Пророка Мухаммада (ﷺ): «Сын не сможет полностью отблагодарить своего родителя, [кроме случая] если найдет его рабом, выкупит и освободит» [29, с. 37].

Когда сын или дочь «тратятся» на родителей, те в ответ обращаются к Всевышнему с мольбами за своих детей. Эти мольбы, исходящие из самых чистых и благодарных сердец, становятся божественной силой, которая укрепляет всю жизнь человека – и его прошлое, и его будущее. Пророк сказал: «Знаете ли вы, какая трата является наилучшей на пути Аллаха? Трата сына на родителей». Затем он добавил: «Их мольба за благополучие укрепляет и корни, и ветви, а их проклятие разрушает корень» [29, с.52].

Однако межличностные отношения в семейной системе не всегда бывают идеальными; могут возникать разногласия, различия во взглядах, ревность или чрезмерное вмешательство. В таких ситуациях ислам призывает к терпению (*сабр*). Пророк Мухаммад сказал: «Я гарантирую дом на окраине Рая тому, кто оставит споры, даже если он прав» [30, с. 178, хадис 4800]. Отказ от спора, будучи актом сознательного выбора, отражает высокий уровень личностной зрелости, где внутренняя убежденность не нуждается в постоянной внешней валидации через конфликт. Пророческий императив направлен на формирование психологически зрелой, эмоционально стабильной и социально ответственной личности, способной к подавлению сиюминутного эгоистического импульса ради высших духовных и общественных ценностей.

Для работы с эмоциональной сферой невестки может быть предложен ряд методик, адаптированных к исламскому мировоззрению.

1. Метод визуализации «Карта отношений». Данная методика позволяет визуализировать проблему, отделить главное от второстепенного и осознать, что конфликт не является тотальным. Клиентке предлагается схематично изобразить отношения со свекровью, отметив «точки напряжения» (конкретные слова, поступки, критика, вмешательство) и «островки покоя» (моменты спокойного или приятного общения).

2. **Методика «Дневник чувств с исламской рефлексией».** Ведение дневника в течение недели по заданной схеме способствует дистанцированию от эмоций и развитию самосознания. Структура включает:

- **Событие:** Описание произошедшего (только факты).
- **Мои чувства:** Фиксация эмоциональной реакции (гнев, обида, печаль).
- **Мои мысли:** Анализ автоматических мыслей о себе, свекрови и ситуации.

3. Исламская рефлексия:

Поиск релевантных аятов Корана или хадисов (например, «Аллах не изменит положения людей, пока они не изменят самих себя» [28] (13:11); «Прощай людей, ибо Аллах любит творящих добро» [28] (3:134).

4. **Анализ ролей и ожиданий.** Данный метод позволяет выявить внутренние конфликты, вызванные завышенными или невыполненными ожиданиями. Вопросы для обсуждения могут включать: «Какой, по вашему мнению, должна быть “идеальная невестка” в исламе? А “идеальная свекровь”?», «Насколько реальность соответствует этим ожиданиям?», «Чьи ожидания сильнее давят: ваши собственные, общества или вашего мужа?»

5. Операционализация концептов «Ибра» (извлечение урока) и «Сабр» (терпение).

Объяснение, что трудности в отношениях могут рассматриваться как испытание от Аллаха и возможность для роста. Акцент делается на том, что проявление сабра вознаграждается, а сами испытания способствуют очищению от гордыни, развитию управления гневом и укреплению характера. Ставится вопрос: «Каким человеком вы можете стать, успешно пройдя это испытание?»

6. **Терапевтизация практики ду‘а (молитвы).** Использование молитвы как инструмента для передачи бремени контроля Всевышнему и активизации чувства надежды. Рекомендуются:

- **Ду‘а (мольба) за себя:** «О Аллах, даровавший успокоение сердцам, успокой мое сердце! О Аллах, я прибегаю к Тебе от тревог и печали, от слабости и лени, от скупости и малодушия, от бремени долга и от притеснения людей».
- **Ду‘а (мольба) за свекровь:** «О Аллах, направь ее сердце к добру, смягчи его, освети его светом имана. Улучши наши отношения так, как будет угодно Тебе».

Важным аспектом является обучение невестки защите психологических границ без нарушения исламского этикета. Принципы умеренности и запрета на причи-

нение вреда предполагают, что в исламе нет требования терпеть вред, разрушающий психику или семью. В случае токсичных отношений допустимо ограничить общение, не разрывая родственные узы полностью. Рекомендуется сохранять обязательные формы общения (звонки в праздники, редкие визиты), придерживаться нейтральных тем, быть вежливой, но не стремиться к близкой дружбе. Увеличение дистанции должно происходить на физическом уровне, но не на эмоциональном (без накопления обид, с прощением в сердце).

Родственные узы названы одним из имен Всевышнего¹, это высочайшая степень возвеличивания, которая редко встречается в отношении других благих дел. Это означает, что в основе гармоничного общества лежит крепкая семья и родственные связи, пронизанные милосердием.

«Я – Милостивый, и родственные узы названы по Моему имени. Кто поддерживает их, того Я поддерживаю, а кто разрывает их, того Я разорву» [29, с. 59].

Гармонизация отношений в диаде «невестка – свекровь» в контексте мусульманской семьи представляет собой многоуровневую задачу, интегрирующую социально-психологический и духовно-нравственный компоненты. Инкорпорация исламского религиозно-этического дискурса в парадигму психологического консультирования открывает значительные терапевтические перспективы, обеспечивая культурно-сенситивный подход. Предложенный методический инструментарий позволяет транслировать конфликт из эмоционально-аффективной плоскости в рационально-рефлексивную и духовно-преобразующую. Это способствует развитию у клиента психологической осознанности, навыков эмоциональной саморегуляции и личностной зрелости, с опорой на ее собственную ценностно-мировоззренческую систему.

Заключение

Психологические исследования подтвердили наличие трансгенерационной передачи паттернов привязанности. Существует причинно-следственная связь между качеством репрезентации привязанности у родительского поколения и качеством привязанности, формирующимся у детей в младенчестве.

Эмпирически выделенные типы привязанности (надежный, тревожный, избегающий и дезорганизованный) находят свое проявление в различных социальных контекстах, в частности, в структуре внутрисемейных отношений. Невестка с **надеж-**

¹ Точнее оба термина (Милостивый «الرحمن» и родственные узы «الرحم») на арабском языке образованы от одного корня «рахима/йархаму» (проявлять милость). – Прим. ред.

ным типом привязанности обладает достаточным эмоциональным ресурсом для выстраивания здоровых отношений со свекровью. Невестка с **тревожным типом привязанности** склонна сомневаться в прочности своих отношений с супругом и его родственниками, постоянно ища подтверждения собственной значимости. Невестка с **избегающим типом привязанности** высоко ценит автономию и склонна дистанцироваться от эмоционально насыщенных контактов для сохранения контроля и безопасности. **Дезорганизованный (тревожно-избегающий) тип** привязанности характеризуется сочетанием противоположных тенденций, что требует в первую очередь стабилизации эмоционального состояния перед началом любой когнитивной или поведенческой работы.

В традиционном ингушском обществе при выборе невесты значительное внимание уделялось ее происхождению. Мягко адаптироваться и строить отношения с родственниками мужа невестке позволял обычай избегания. Избегание представляет собой «испытательный срок», в течение которого невестка осваивает нормы и ценности семьи, выстраивает отношения со свекровью, мужем, без доминирующего старшего мужчины. Семейная иерархия предполагала последовательную смену статуса женщины: от невестки (**нускал**) к матери (**берий нана**), затем к хозяйке дома (**сесар**) и, наконец, к старшей женщине (**фусам-нана** или **ц1ен-нана**). У ингушей, как и у всех народов мира, мать выступает агентом первичной социализации, транслируя дочери установки, связанные с семейной жизнью, не только через прямое обучение, но и через «гендерный перформанс».

В настоящее время в ингушской семье, построенной на принципах уважения к старшим и строгой семейной иерархии, конфликт между свекровью и невесткой коренится в столкновении двух социальных парадигм: традиционной, с ее акцентом на иерархии и четком распределении ролей, и современной, где для женщины значимы образование, карьера и личная реализация.

Особый интерес представляет социокультурный феномен, при котором свекровь, исполняя обязанности невестки, публично приписывает их выполнение последней. В теории социальной драматургии И. Гофмана свекровь навязывает невестке соответствующий «фасад» образцовой хозяйки. Этот имиджевый менеджмент поддерживает семейную репутацию вовне и укрепляет властную позицию свекрови внутри семьи.

Нормативной основой регламентации отношений между невесткой и свекровью в исламе выступает комплекс этико-религиозных принципов, центральными из

которых являются уважение, доброта и неукоснительное соблюдение прав всех участников семейной системы.

Однако межличностные отношения в семейной системе не всегда бывают идеальными; могут возникать разногласия, различия во взглядах, ревность или чрезмерное вмешательство.

В случае токсичных отношений допустимо ограничить общение, не разрывая родственные узы полностью. Рекомендуется сохранять обязательные формы общения (звонки в праздники, редкие визиты), придерживаться нейтральных тем, быть вежливой, но не стремиться к близкой дружбе. Милостивый «الرحمن» и родственные узы «الرحم» на арабском языке образованы от одного корня «рахима/йархаму» (проявлять милость) – это высочайшая степень возвеличивания, которая редко встречается в отношении других благих дел.

Гармонизация отношений в диаде «невестка – свекровь» в контексте мусульманской семьи представляет собой многоуровневую задачу, интегрирующую социально-психологический и духовно-нравственный компоненты. Инкорпорация исламского религиозно-этического дискурса в парадигму психологического консультирования открывает значительные терапевтические перспективы, обеспечивая культурно-сенситивный подход.

Литература

1. Боулби Дж. *Создание и разрушение эмоциональных связей*. М.: Академический проект; 2004. 232 с.
2. Blatt S.J., Auerbach J.S., Zuroff D.C., Shahar G. *Relatedness and Self-Definition in Personality Development, Psychopathology, and the Therapeutic Process*. Washington: American Psychological Association (APA); 2010. 313 p.
3. Бриш К.Х. *Терапия нарушений привязанности: от теории к практике*. Пер. с нем. М.: Когито-Центр; 2014. 316 с.
4. Бако Т., Зана К. *Трансгенерационная травма и терапия. Трансгенерационная атмосфера*. М.: издатель Базенков И.Л.; 2023. 146 с.
5. Сабельникова Н.В., Каширский Д.В. *Экспериментальная психология и психодиагностика привязанности: учебник и практикум*. М.: Прометей; 2025. 452 с.
6. Harloy H. Thenatureoflove. *American Psychologist*.1958;13:573–685.
7. Митрофанова Д. *Прежде, чем мы привяжемся. Почему мы повторяем одни и те же ошибки в отношениях с разными людьми*. М.: АСТ; 2023. 272 с.

8. Ганиева Р.Х. Опыт консультативной работы по вопросам отношений невестки и свекрови (разбор случая). *Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):457–481*. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-457-481
9. Карпухина А.И. *Заземленное наблюдение*. М.: Эксмо; 2022. 549 с.
10. Литвак М.Е. *Психологическое айкидо. Учебное пособие*. Ростов-н/Д.: Изд-во Феникс; 2022. 224 с.
11. Шварц Р. *Внутренние семейные системы. Принципы и методы подхода от основателя IFS-терапии*. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2024. 352 с.
12. Вилкен Б. *Методы когнитивной реструктуризации. Руководство для психотерапевтической практики*. Харьков: Гуманитарный центр; 2023. 192 с.
13. Дэвид С. *Эмоциональная гибкость. Как научиться радоваться переменам и получать удовольствие от работы и жизни*. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2017. 304 с.
14. Розенберг М. *Язык жизни. Ненасильственное общение*. М.: София; 2018. 288 с.
15. Готтман Дж., Готтман Дж., Готтман Д. *Мужчина и женщина: Секреты взаимопонимания в любви и семье*. М.: Эксмо; 2018. 416 с.
16. Олифинович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. *Психология семейных кризисов*. СПб.: Речь; 2006. 360 с.
17. Ремко ванн дер Вайнгаарт. *Рескриптинг в воображении: теория и практика*. М.: ИОИ; 2023. 274 с.
18. Пезешкиан Н. *Психосоматика и позитивная психотерапия*. Пер. с нем. 2-е изд. М.: Институт позитивной психотерапии; 2006. 448 с.
19. Мерешков С.А. *Ингушская этнография*. Магас: Кеп; 2020. 592 с.
20. Текуева М.А. *Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность*. Нальчик: Издательский центр «Эль-фа»; 2006. 260 с.
21. Гимбатова М.Б. *Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (19 – начало 20 в.)*. Махачкала: Изд. дом Эпоха; 2014. 392 с.
22. Яндиев М.А. *Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа*. М.: КомКнига; 2008. 496 с.
23. Батлер Д. *Гендерное беспокойство: Феминизм и подрыв идентичности*. Суоров В.А. (пер. с англ., вступ. статья и комм.). СПб.: Владимир Даль; 2022. 352 с.

24. Галглай фольклор=Ингушский фольклор. Танкиев А.Х. (сост.). Грозный: Книга; 1991. 192 с.
25. Базоркин И.М. *Из тьмы веков*. М.: Наука; 2019. 574 с.
26. Гофман И. *Представление себя другим в повседневной жизни*. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле; 2000. 304 с.
27. Пезешкиан Х. *Позитивная психотерапия как транскультуральный подход в российской психотерапии*. Дисс....д-ра. мед. наук. СПб., 1998. 300 с.
28. Аляутдинов Ш.Р. *Священный Коран. Смыслы*. М.: Диля; 2020. 3264 с.
29. Ас-Субки Такиюддин Али ибн Абдуль-Кафи. *Почитание родителей*. Махачкала: Даруль-Фикр; 2025. 160 с.
30. Абу-Давуд Сулайман ибн аль-Аш'ас ибн Исхак ас-Сиджистани. *Сунан Аби-Давуд*. Т. 7. Бейрут: дар ар-Рисаля аль-Аламия; 2009. 656 с.

References

1. Bowlby J. *Sozdaniye i razrusheniye emotsional'nykhsvyazey* [The creation and destruction of emotional connections]. Moscow: Academic Project Publ.; 2004. 232 p. (In Russian)
2. Blatt S.J., Auerbach J.S., Zuroff D.C., Shahar G. *Relatedness and Self-Definition in Personality Development, Psychopathology, and the Therapeutic Process*. Washington: American Psychological Association (APA); 2010. 313 p.
3. Brish K.H. *Terapiya narushenij privyazannosti: ot teorii k praktike* [Therapy of attachment disorders: from theory to practice]. Tr. from German. Moscow: Cogito-Center Publ.; 2014. 316 p. (In Russian)
4. Bako T., Zana K. *Transgeneracionnaya travma i terapiya. Transgeneracionnaya atmosfera* [Transgenerational Trauma and Therapy. Transgenerational Atmosphere]. Moscow: Bazenkov I.L. Press; 2023. 146 p. (In Russian)
5. Sabelnikova N.V., Kashirsky D.V. *Eksperimental'naya psihologiya i psihodiagnostika privyazannosti: uchebnik i praktikum* [Experimental psychology and psychodiagnostics of attachment: textbook and workshop]. Moscow: Prometey Press; 2025. 452 p. (In Russian)
6. Harlow H. The nature of love. *American Psychologist*. 1958;13:573–685.
7. Mitrofanova D. *Prezhde, chem my privyazhemsya. Pochemu my povtoryayem odni i tezhe oshibki v otnosheniyakh s raznymi lyud'mi* [Before We Get Attached. Why We Repeat the

Same Mistakes in Relationships with Different People]. Moscow: AST Press; 2023. 272 p. (In Russian)

8. Ganieva R.Kh. Opyt konsul'tativnoy raboty po voprosam otnosheniy nevestki i svekrovi (razbor sluchaya) [Experience of consulting work on issues of relations between daughter-in-law and mother-in-law (case analysis)]. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):457–481. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-457-481 (In Russian)

9. Karpushina A.I. *Zazemlennoye nablyudeniye* [Grounded observation]. Moscow: Eksmo Press; 2022. 549 p. (In Russian)

10. Litvak M.E. *Psikhologicheskoye aikido. Uchebnoye posobiye* [Psychological Aikido. A Study Guide]. Rostov-on-Don: Phoenix Press; 2022. 224 p. (In Russian)

11. Schwartz R. *Vnutrenniye semeynnye sistemy. Printsipy i metody podkhoda ot osnovatelya IFS-terapii* [Internal Family Systems: Principles and Methods of the IFS Therapy Approach]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Press; 2024. 352 p. (In Russian)

12. Wilken B. *Metody kognitivnoy restrukturizatsii. Rukovodstvo dlya psikhoterapevticheskoy praktiki* [Methods of cognitive restructuring. Guide for psychotherapeutic practice]. Kharkov: Humanitarian Center Press; 2023. 192 p. (In Russian)

13. David S. *Emotsional'naya gibkost'. Kak nauchit'sya radovat'sya peremenam i poluchat' udovol'stviye ot raboty* [Emotional Flexibility: How to Learn to Embrace Change and Enjoy Work and Life]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Press; 2017. 304 p. (In Russian)

14. Rosenberg M. *Yazyk zhizni. Nenasil'stvennoye obshcheniye* [Language of Life. Nonviolent communication]. Moscow: Sofia Press; 2018. 288 p. (In Russian)

15. Gottman J., Gottman J., Gottman D. *Muzhchina i zhenshchina: Sekrety vzaimoponimaniya v lyubvi i sem'ye* [Man and woman: Secrets of mutual understanding in love and family]. Moscow: Eksmo Press; 2018. 416 p. (In Russian)

16. Olifirovich N.I., Zinkevich-Kuzemkina T.A., Velenta T.F. *Psikhologiya semeynykh krizisov* [The psychology of family crises]. St. Petersburg: Rech Press; 2006. 360 p. (In Russian)

17. Remco van der Weingaart. *Reskripting v voobrazhenii: teoriya i praktika* [Rescripting in the imagination: theory and practice]. Moscow: Institute of Oncology Publ.; 2023. 274 p. (In Russian)

18. Pezeshkian N. *Psikhosomatika i pozitivnaya psikhoterapiya* [Psychosomatics and positive psychotherapy]. Tr. from German. 2nded. Moscow: Institute of Positive Psychotherapy Publ.; 2006. 448 p. (In Russian)
19. Mereshkov S.A. *Ingushskaya etnografiya* [Ingush ethnography]. Magas: LLC Kep; 2020. 592 p. (In Russian)
20. Tekueva M.A. *Muzhchina i zhenshchina v adygsКОЙ kul'ture: traditsi i isovremennost'* [Man and woman in the Adyghe culture: traditions and modernity]. Nalchik: Publishing center El-fa; 2006. 260 p. (In Russian)
21. Gimbatova M.B. *Muzhchina i zhenshchina v traditsionnoy kul'ture tyurkoyazychnykh narodov Dagestana (19 – nachalo 20 v.)* [Man and woman in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of Dagestan (19th– early 20th century)]. Makhachkala: Epoch Publishing house; 2014. 392 p. (In Russian)
22. Yandiev M.A. *Drevniye obshchestvenno-politicheskiye instituty narodov Severnogo Kavkaza* [Ancient socio-political institutions of the peoples of the North Caucasus]. Moscow: LKI Publishing House; 2008. 496 p. (In Russian)
23. Butler D. *Gendernoye bespokoystvo: Feminizm i podryv identichnosti* [Gender Anxiety: Feminism and the Undermining of Identity]. Surov V.A. (tr. from English, with intr. and comm.). St. Petersburg: Vladimir Dal Publishing House; 2022. 352 p. (In Russian)
24. Tankiev A.H. *Glalglai folklore = Ingushskiy fol'klor* [Ingush folklore]. Grozny: Kniga Press; 1991. 192 p. (In Ingush and Russian)
25. Bazorkin I.M. *Izt'my vekov* [From the darkness of centuries]. Moscow: Science Press; 2019. 574 p. (In Russian)
26. Goffman I. *Predstavleniye sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [Presenting Oneself to Others in Everyday Life. Publisher]. Moscow: Canon Press, Kuchkovo Pole; 2000. 304 p. (In Russian)
27. Pezeschkian H. *Pozitivnaya psikhoterapiya kak transkul'tural'nyy podkhod v rossiyskoy psikhoterapii. Diss.... d-ra. med. nauk* [Positive psychotherapy as a transcultural approach in Russian psychotherapy. MD Dissertation.]. St. Petersburg, 1998. 300 p. (In Russian)
28. Alyautdinov Sh.R. *Svyashchennyy Koran. Smysly* [Holy Quran. Meanings]. Moscow: Dilya Press; 2020. 3264 p. (In Russian)

Р.Х. Ганиева

Внутрисемейная динамика и межпоколенная коммуникация: психологическое...
Minbar. Islamic Studies. 2026;19(2): 445-467

29. As-Subki Takiyuddin Ali ibn Abdul-Kafi. *Pochitaniye roditeley* [Honoring Parents]. Makhachkala: Darul-Fikr Press; 2025.160 p. (In Russian)

30. Abu Dawud Sulayman ibn al-Ash'ath ibn Ishaq al-Sijistani. *Sunan Abi Dawud* [The collection of Hadiths of Abu Dawud]. T. 7. Beirut: Dar ar-Risala al-Alamiya; 2009. 656 p. (In Arabic)

Информация об авторе

Ганиева Роза Хаматхановна, кандидат психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, директор Центра психологической помощи, член Ассоциации психологической помощи мусульманам, г. Магас, Российская Федерация.

About the author

Rosa H. Ganieva, Cand. Sci. (Psychology), Full Professor, the Honored Worker of Science of the Republic of Ingushetia, Senior Researcher at the Department of Ethnology in Ingush Research Institute of Humanities Named After Ch. Ahriev, Director of the Center for Psychological Assistance and Psychological Post-crisis Rehabilitation, Member of the Association of Psychological Assistance to Muslims, Magas, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14 января 2026
Одобрена рецензентами: 08 апреля 2026
Принята к публикации: 08 июня 2026

Article info

Received: January 14, 2026
Reviewed: April 08, 2026
Accepted: June 08, 2026